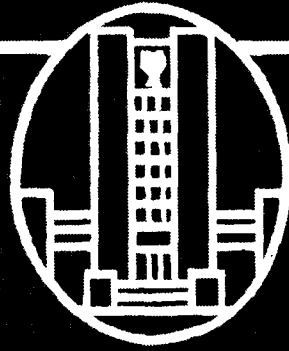

ISSN 0236-2910

ВЕСТНИК
МОРДОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
■
ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
■
ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

3-4
1999

#####

Экономика

=====

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ И „ПРОВАЛЫ“ РЫНКА: ПРОБЛЕМА ЕСТЕСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ В КОНЦЕПЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В. Ф. БАЙНЕВ, кандидат технических наук

Первый этап рыночного реформирования электроэнергетического комплекса (ЭК) России, до 1992 г. представлявшего собой единую общенациональную монополию, привел, по мнению ряда экономистов и энергетиков, к поистине печальным результатам [6]: в отрасли вместо обеспечиваемого свободным действием рыночных сил Парето-оптимальной аллокации ресурсов наблюдается неуклонное снижение эффективности их использования, падение объемов производства имеющей безусловную ликвидность продукции, опережающий по сравнению с увеличением средних цен на промышленную продукцию рост тарифов на электроэнергию и тепло, снижение инновационной активности вследствие дезинтег-

рации научно-исследовательского и производственного секторов и т. д. Причины неудач, на наш взгляд, закономерны и заключаются в том, что ЭК уверенно попадает в так называемые зоны изъянов рынка (разные авторы для обозначения данного явления используют слова-синонимы „недостаточность“, „неэффективность“, „несостоятельность“, „ошибки“ и даже „провалы“ рынка) [13, с. 16, 27; 11, с. 37, 50, 54; 8, с. 26, 27], в которых „свободное действие рыночных сил не обеспечивает оптимального размещения и использования ресурсов“ [13, с. 11]. Даже наиболее последовательные сторонники неоклассического направления в экономике, провозглашающего, что „человечеству не удалось сделать ничего более

© В. Ф. Байнев, 1999

эффективного, чем рыночная экономика" (из программы „500 дней“), и что рынок, по общеизвестным словам Ф. Хайека, — это настоящее „чудо“, вынуждены констатировать объективно существующие недостатки рынка [12, с. 324 — 331; 4, с. 28 — 29].

С точки зрения сторонников современного институционализма, призванного усовершенствовать неоклассический метод, зоны изъянов рынка возникают вследствие *ограниченной конкуренции, внешних эффектов (экстерналий) и неполноты информации* [13, с. 17], причем, по нашему мнению, ЭК попадает во все эти зоны одновременно. Во-первых, ЭК — это естественная монополия как в традиционном, так и в современном, расширенном понимании этого термина. Дело в том, что в отрасли отмечается технический „эффект от масштаба“ (по законам электромеханики КПД электрических машин быстро возрастает при увеличении их мощности), который в крупных странах (и тем более в России) многократно усиливается из-за возможности обмена энергией между расположенными в разных климатических зонах и часовых поясах регионами („эффект от масштаба“ — признак классической естественной монополии). Кроме того, в отрасли ярко проявляется используемое в последнее время для диагностирования ситуации естественной монополии свойство субаддитивности затрат [5, с. 129]. С этой точки зрения ЭК — типичная многопродуктовая естественная монополия, поскольку производство промышленного электричества на тепловых электростанциях сопровождается выработкой тепла, а на атомных — синтезом радиоактивных материалов для медицинских и военных целей, что существенно снижает себестоимость как основной, так и дополнительной продукции. Поэтому даже с позиции сторонников неоклассической экономической теории курс реформирования, направленный на дезинтеграцию отечественного ЭК с целью насильственного вычленения из него субъектов рынка и создания между ними конкурентных отношений, ошибочен,

поскольку в случае естественной монополии любое „принудительное рассредоточение производства... нецелесообразно, оно привело бы к росту затрат“ [5, с. 129] и удалило бы ситуацию на рынке от Парето-оптимального распределения и использования ресурсов (что и наблюдается в России).

Кроме того, вопреки представлениям неоклассиков о монополии как о прародительнице всех бед и пороков, по мнению одного из основоположников современного институционализма Дж. Гэлбрейта, а также Й. Шумпетера и ряда других весьма авторитетных экономистов, НТП — прерогатива именно крупных монополий, имеющих достаточные финансовые средства и устойчивое состояние на рынке для осуществления серьезной инновационной деятельности [12, с. 28, 105]. Демонопользация, с их точки зрения, неизбежно приводит к снижению темпов НТП, о чем красноречиво свидетельствует ситуация, когда в отечественной энергетике, по данным Минтопэнерго, осваивается менее одной десятой части предназначенных для технического перевооружения отрасли средств, а большая часть энергетических НИОКР попросту свернута.

Во-вторых, ЭК — источник мощных отрицательных и положительных экстерналий, поскольку он, например, обеспечивает около 43 % эмиссии загрязнителей в окружающую среду и предоставляет современную энергетическую базу для НТП. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать ЭК не только как источник интенсивных положительных внешних эффектов, но по ряду предоставляемых услуг (уличное освещение, электролифты и т. д.) и как общественное благо. С точки зрения теорий внешних эффектов и общественных благ [12, с. 267 — 297, 298 — 323; 4, с. 29 — 59], конкурентный рынок неспособен обеспечить оптимальные объемы предложения общественных благ и создающих экстерналии услуг, что еще раз свидетельствует о нецелесообразности „насаждения“ конкурентных отношений на рынке электроэнергетики и оши-

бочности проводимой с этой целью дезинтеграции ЭК России. Попытки интернализации внешних эффектов и регулирования производства общественных благ с помощью корректирующих налогов и субсидий [12, с. 274 — 278], путем коллективного предложения общественных благ [12, с. 306 — 307], а также соответствующие методы, предлагаемые теорией голосования [12, с. 315 — 320], теоремой Коуза [12, с. 278 — 287] и т. п., представляются малонаучными по причине влияния на процессы интернализации субъективного и политического факторов.

В-третьих, в ЭК проявляется существенная информационная асимметрия, которая подобно двум предыдущим факторам создает помехи „невидимой руке“ рынка, как известно, направляющей действия стремящегося к личной выгоде предпринимателя в сторону увеличения общественного благосостояния. Поскольку разработка и внедрение новых энерготехнологий связаны с использованием результатов весьма сложных и дорогостоящих фундаментальных, поисковых исследований и НИОКР, вся полнота научно-технической и экономической информации при осуществлении технологических инноваций находится преимущественно у одной из участвующих в сделке сторон, а именно у подрядчика. Заказчик же, обладающий меньшей компетенцией, вынужден доверять склонному к завышению своих издержек подрядчику, что удаляет ситуацию на рынке от Парето-оптимального объема предоставления услуг по внедрению достижений НТП в ЭК и в конечном счете снижает инновационную активность в отрасли.

В связи с начавшейся с 1992 г. смелой форм собственности в ЭК существенную роль в росте непроизводительных (транзакционных) издержек стал играть и относящийся к так называемой агентской проблеме аспект информационной асимметрии [3, с. 56 — 72]. Суть проблемы состоит в том, что собственники объектов ЭК (акционеры) и нанимаемые ими менеджеры имеют разные интересы и обладают неодинаковой степенью доступа к текущей

коммерческой информации. Последние в отличие от акционеров могут использовать эту информацию в своих личных корыстных целях (для осуществления инсайдерских операций), что существенно снижает эффективность функционирования объектов ЭК.

Стремление преодолеть очевидные недостатки неоклассической экономической теории, рассматривающей идеализированный рынок и рационально действующих на нем индивидов, привело к тому, что 1990-е гг. были ознаменованы триумфом современного институционализма (новой институциональной теории): Нобелевских премий по экономике были удостоены его родоначальник Р. Коуз (1991) и один из его нынешних корифеев Д. Норт (1993). „Сторонники этой научной школы пытаются расширить возможности неоклассического анализа путем изучения проблем организации и того, как структуры прав собственности и транзакционные издержки (т. е. затраты на подготовку, заключение и реализацию сделок) влияют на мотивацию и экономическое поведение“ [11, с. 5].

Так, например, теория транзакционных издержек наряду с нерациональностью и даже коварством (оппортунизмом) поведения действующих на рынке индивидов принимает во внимание и степень специфичности активов, используемых для осуществления транзакций — процессов передачи продукции от одной фирмы к другой и выполнения сопровождающих их контрактов. По мнению О. Уильмсона, „наиболее важным параметром при сравнительной оценке транзакций является степень специфичности активов“ [11, с. 71]. Поскольку функционирование ЭК основано на применении узкоспециализированного оборудования и, следовательно, контракты при купле-продаже электричества поддерживаются большим количеством активов транзакционно-специфического типа, то согласно предложенной О. Уильмсоном классификации контрактов „внутренним миром“ таких сделок из-за огромных транзакционных издержек никак не может быть конкуренция [11,

с. 74 — 78], а трансакции данного типа „эффективны в условиях двусторонней торговли (т. е. в ситуации монополии. — В. Б.)“ [11, с. 78].

Итак, политика ускоренной дезинтеграции отечественного ЭК, направленная на насильственное вычленение из него субъектов рынка и формирование конкурентной среды, принципиально не допускающей демонополизации и попадающей во все зоны изъянов рынка отрасли, ошибочна с точки зрения практически всех ведущих школ современной экономической теории. Похоже, что реформаторы отечественной электроэнергетики под давлением эмпирических фактов начинают осознавать это и Россия в настоящее время вступила во второй этап реформирования ЭК, по их мнению, призванный исправить ошибки предыдущих лет.

В частности, Указом Президента РФ от 28 апреля 1997 г. № 426 „Об Основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий“ предусмотрена дальнейшая дезинтеграция отрасли путем „выделения генерирующих мощностей из состава интегрированной структуры... Бухгалтерский баланс, учет и отчетность, калькуляция себестоимости будут формироваться отдельно для производителей энергии (генерация) и для предприятий электрических сетей (передача и распределение энергии)“ [9, с. 37]. Кроме того, на период до 2002 г. планируется проведение очередной структурной реорганизации отрасли с целью создания региональных генерирующих компаний, которые будут находиться „...в примерно равном конкурентном положении... иметь... сопоставимый объем производства... а также похожую структуру мощностей по степени выработки ресурса“ [9, с. 36 — 37]. Рыночное взаимодействие производителей и потребителей электроэнергии будет осуществляться при посредничестве так называемого независимого финансового оператора (НФО) [13, с. 7], на основе аукциона приобретающего промышленное электричество у генерирующих компаний, перепродающих ее от своего имени потребителям.

Новый поворот в судьбе отечественного ЭК свидетельствует, что его реформаторы от прочтения учебников по неоклассической экономической теории перешли к изучению модной в нынешнем десятилетии в странах с рыночной экономикой новой институциональной теории. Так, например, анализируя значимость последней, экономист В. С. Каткало пишет: „...большая перспективность использования последнего (институционализма. — В. Б.), а не неоклассической теории при анализе российских реформ по мере их развития становится все очевидней“ [11, с. 15].

В частности, теория трансакционных издержек, придающая исключительно важное значение нестандартным формам контрактации [11, с. 84], в ряде случаев естественной монополии признает эффективным вариант организации рыночных отношений, предложенный американским экономистом И. Демзетцем. Суть его состоит в том, что на рынке регулирующий орган власти инициирует конкуренцию за рынок там, где она невозможна внутри рынка. Выявленному на основе аукциона (так называемых торгов за монопольную франшизу, рассматриваемых как нестандартный вид рыночных сделок) продавцу предоставляется право обслуживать рынок в течение определенного времени [5, с. 136; 11, с. 87, 517]. Положительно оценивая данный вариант рыночных отношений в электроэнергетике, Г. Стиглер еще в 1968 г. писал, что „потребители могут предоставлять через аукционные торги право продажи электроэнергии, используя государство как инструмент для организации такого аукциона... Аукцион сводится к рассмотрению обещаний продавать электроэнергию дешево“ (цит. по: [11, с. 87]).

В новой модели ЭК России явно просматриваются все элементы рынка по Демзетцу: регулирующий орган (НФО), конкурирующие энергокомпании и аукцион как вид конкуренции за доступ к не принадлежащим энергопроизводителям электросетям. Однако хотелось бы обратить особое внима-

бачи
инт
тери
гули
ных
нал
пути
щес
а
пред
с. 3
с. 2
мал
прог
го и
Е
стве
котс
фак
руке
юще
выгс
личе
Пос
нове
испс
слож
таль
НИС
ской
осуц
ващи
одно
а им
обла
выну
шени
что
рето
ния
НТГ
иннс
В
ной
венн
ных
игра
мой
мац
Суть
стве
нани
разн
ково

ние реформаторов ЭК на то обстоятельство, что современный институционализм настоятельно рекомендует учитывать не только возникающие при заключении контрактов (ex ante) издержки, но и необходимые для их последующей реализации (ex post) затраты [11, с. 58]. С этой точки зрения, по мнению О. Уильмсона, конкуренция в электроэнергетике объективно ограничена тем, что „после того, как будут сделаны существенные инвестиции в трансакционно-специфические активы (что весьма характерно для электроэнергетики. — В. Б.), трудно будет ожидать, что конкуренты смогут соперничать на равных... Эта фундаментальная трансформация оказывает всепроникающее воздействие на контрактную практику“ [11, с. 118 — 119] и, несомненно, снизит эффективность рынка по Демсетцу, возможность использования которого на рынке электроэнергии, судя по всему, *планируется проверить* в России. Это означает, что, с точки зрения как неоклассического направления экономической теории, так и современного институционализма, *конкурентные отношения в электроэнергетике неприменимы.*

Мы глубоко убеждены, что в условиях, когда ЭК уверенно попадает в зону изъянов рынка и объективно выпадает из сферы действия свободных рыночных сил, становясь недостижимым для „невидимой руки“ рынка, при оценке эффективности распределения и использования в электроэнергетике ресурсов, а также при реформировании этой естественной монополии надо руководствоваться иными (нерыночными, нестоимостными) критериями. В качестве альтернативы главному рыночному (стоимостному) показателю эффективности — максимуму прибыли трудовая теория потребительной стоимости (В. Я. Ельмеев, В. Г. Долгов, Н. Ф. Дюдяев и др.), претендующая в настоящее время на новую парадигму экономической теории [8, с. 34 — 35], предлагает к использованию другой, объективно учитывающий основное экономическое назначение любого (в том числе и энергетического) фактора производ-

ства, — высвобождение (экономия, замещение) в процессе производственного использования фактора производства живого труда.

В частности, потребительно-стоимостному анализу с успехом подвергнуты технический фактор производства (В. Г. Долгов, Н. Ф. Дюдяев), предметы труда (В. С. Дюдяев), а также электроэнергетический фактор производства [1; 2]. С точки зрения трудовой теории потребительной стоимости, оказавшейся способной наряду со стоимостью первичной энергии учесть и ее общественную полезность (потребительную стоимость), ЭК *должен функционировать как единая общенациональная (государственная) монополия*, поскольку его функционирование основано прежде всего на использовании изначально высокой (по нашим расчетам, в 60 — 90 раз превышающей трудовую стоимость) потребительной стоимости первичного топлива, извлекаемого из принадлежащих нации в целом природных недр. Игнорирование этого принципа — основная причина неудач рыночных реформ в ЭК и бедственного положения большинства отраслей национальной экономики, являющихся потребителями его продукции.

В пользу организации ЭК в виде общенациональной монополии говорят и следующие факты.

1. В большинстве крупных развитых стран с рыночной экономикой (Англия, Франция, ФРГ), где из-за значительных размеров территорий весьма заметен „эффект от масштаба“, электроэнергетика стабильно функционирует практически в форме общенациональных монополий [4, с. 58]. И лишь такая огромная страна, как США, где общественному сектору принадлежит чуть более 25 % электроэнергетического бизнеса и, следовательно, потенциальный „эффект от масштаба“ используется незначительно, ощущает по этому поводу явный дискомфорт и начиная с 1995 г. предпринимает энергичные шаги по реформированию отрасли [7, с. 2]. Однако американские экономисты отчетливо осознают жизненно важное значение электроэнергетики

для национальной экономики страны, и потому осуществляемым реформам предшествовали тщательные теоретические исследования, а также запланирован беспрецедентный экономический эксперимент. При этом объектами для такого масштабного эмпирического исследования избраны с 1998 г. штат Калифорния и, судя по всему, Россия, в ЭК которой должно произойти очередное опробование возможности применения теперь уже модели рынка по Демзетцу (по крайней мере, требованиями МВФ при заключении некоторых кредитных соглашений с РФ, как правило, являлись те или иные шаги по реформированию естественных монополий (РАО „ЭЭС России“, РАО „Газпром“) [10, с. 701]).

2. *Единая* электроэнергетическая система (ЕЭС) бывшего СССР и даже современной России (благодаря наличию РАО „ЭЭС России“ и несмотря на ущерб от реформирования) была и пока еще остается самой мощной и надежной в мире [9, с. 34]. По крайней мере за почти полувековую историю существования ЕЭС в нашей стране не было ни одной даже приблизительно сопоставимой по масштабам энергетической аварии, которые время от времени происходили в США и в других странах с развитой рыночной экономикой и после которых экономисты и энергетики этих стран приезжали изучать опыт работы наших специалистов. Укрепление единства ЭК сегодня — это практически то же самое, что вопрос существования России в качестве цивилизованного государства в XXI в.

3. *Возрастание* роли общественного сектора в экономике большинства стран на протяжении всего XX в. — объективный и неоспоримый факт [4, с. 55; 10, с. 351]. Неуклонное увеличение сегмента экономики, где „невидимая рука“ рынка парализована, открывает перед потребителем стоимостным методом поистине историческую перспективу.

В заключение хотелось бы привести принадлежащие весьма авторитетным отечественным экономистам высказывания, которые, на наш взгляд, могут

быть использованы не только для характеристики рыночных реформ электроэнергетики России, но и для выработки конкретных мер по выводу из кризиса электроэнергетической и потребляющей ее продукцию отраслей. Так, специалист в области экономики НТП С. В. Валдайцев совершенно справедливо считает, что «ни в коем случае нельзя ставить знак тождества между понятиями „рынок“ и „конкуренция“, жестко связывать их... Рынки бывают и со свободной конкуренцией, и монополизированные, и монопольные (выделено нами. — В. Б.)... Глубоко неправы те, кто, не желая разбираться в частности, видят корень всех бед нашей экономики в самом факте наличия крупных фирм, оказавшихся монополистами только потому, что определенное производство возможно лишь в крупной фирме, способной обладать необходимыми дорогими основными фондами. Их рецепты разукрупнения, дробления наших монополистов зачастую огульны, основываются на неправильно понятом факте наличия антимонопольного законодательства за рубежом... Более того, зачастую правительства и закон даже *стимулируют создание монополий* (выделено нами. — В. Б.), если они подпадают под категорию „естественных“...» [12, с. 364 — 365].

В связи с этим другой специалист в области уже экономической теории В. Т. Рязанов пишет, что „...реструктуризация народного хозяйства с опорой только на рыночные методы... чревата окончательной примитивизацией российской экономики. Разрушение естественных монополий — не единственный способ устранения издержек от монополизма. В качестве альтернативного может рассматриваться вариант усиления государственного контроля *вплоть до обратной национализации естественных монополистов* (выделено нами. — В. Б.)... Кризисная ситуация, в которой продолжает находиться наша экономика, отсутствие в ней качественных изменений от проведенного этапа приватизации — все это побуждает поставить вопрос о возможности

бочи
интер
гул
ных
нал
пут
щес
а
пре,
с. 3
с. 2
мал
про
го 1
] стве
коти
фак
рук
ющ
выг
лич
Пос
нов
исп
сло
тал
НИ
ско
осу
вац

деприватизации... Соответственно должен быть принят закон о национализации, который бы четко регулировал условия и процедуры принятия деприватизационных решений..." [10, с. 581, 705]. В этом, если отбросить все неэкономические (конъюнктурные, политические и т. п.) соображения, и

должны состоять очередные направленные исключительно на сохранение и дальнейшее восстановление электроэнергетики шаги по реформированию (точнее — по контрреформированию) ЭК, обеспечивающего энергетическую и, следовательно, экономическую безопасность России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байнев В. Ф. Научно-технический прогресс и энергосбережение: потребительстоимостный анализ эффективности производства электроэнергии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998. 92 с.
2. Байнев В. Ф. Электропотребление и экономия живого труда: потребительстоимостный анализ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998. 88 с.
3. Валдайцев С. В. Стратегии инвесторов предприятия и „агентская проблема“: Учеб. пособие. СПб., 1994. 135 с.
4. Введение в рыночную экономику: Учеб. пособие / Под ред. С. Ф. Сутырина, В. М. Цветаева. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1998. 252 с.
5. Гальперин В. М., Игнатьев С. М., Моргунов В. И. Микроэкономика: В 2 т. СПб.: Экон. шк., 1997. Т. 2. 503 с.
6. Корякин Ю. И. РАО „ЕЭС России“, рынок... // Энергия. 1998. № 5. С. 30 — 31.
7. Корякин Ю. И., Дьяконов Е. И. Энерге-

тическая стратегия России и суррогаты расчетов // Энергия. 1998. № 7. С. 2 — 9.

8. Местное самоуправление: технологии социально-экономического роста / В. Я. Ельмеев, А. Г. Воронин, Ю. Н. Гузов и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. 470 с.
9. Петрикова Т. В. РАО ЕЭС, или ЕЭС в раю // Энергия. 1998. № 9. С. 34 — 37.
10. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX — XX вв. СПб.: Наука, 1998. 798 с.
11. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, „отношенческая“ контракция / Пер. с англ. СПб.: Лениздат; SEV Press, 1996. 702 с.
12. Хайман Н. Д. Современная микроэкономика: анализ и применение: Пер. с англ.: В 2 т. М.: Финансы и статистика, 1992. Т. 2. 372 с.
13. Якобсон Л. И. Экономика общественного сектора: Основы теории государственных финансов: Учеб. для вузов. М.: Аспект-Пресс, 1996. 319 с.

Поступила 04.01.99.